

**МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ
ПО ИЗУЧЕНИЮ И РАСПРОСТРАНЕНИЮ
СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР**

Президент МАИРСК **С. Вольман** (Чехословакия)

Вице-президенты: **М. Басай** (Польша), **С. Грачиотти** (Италия), **А. Джурова** (Болгария), **В. Злыднев** (Россия), **С. Маркович** (Югославия), **Н. Нильсон** (Швеция), **Г. Роте** (ФРГ), **Г. Цигенгайт** (ФРГ)

Члены Бюро: **Г. Вервес** (Украина), **З. Константинович** (Австрия), **Ф. Конт** (Франция), **С. Марцелев** (Белоруссия), **М. Партридж** (Великобритания)
Секретарь **Л. Бенешова** (Чехословакия)

**ИНФОРМАЦИОННЫЙ
БЮЛЛЕТЕНЬ**

ВЫПУСК 25

*Специальный выпуск
в честь праздника славянской письменности 1992 года
в Москве*

**Институт славяноведения и балканистики РАН
Москва, 1992**

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПОНОМАРЕ ТИМОФЕЕ - НОВГОРОДСКОМ КНИЖНИКЕ СЕРЕДИНЫ XIII ВЕКА

А. Гиппиус

Имя Тимофея пономаря знакомо историкам древнерусской книжности по двум знаменитым памятникам письменности Великого Новгорода – Синодальному списку I Новгородской летописи (ГИМ, Син. 786) и Лобковскому Прологу 1262 г. (ГИМ, Хлуд. 187). Вопрос о соотношении двух рукописей принадлежит к числу традиционных для русской археографии сюжетов. Он многократно обсуждался в связи с историей новгородского летописания и новгородской книжности в целом, однако из-за недостатка данных так и не был решен окончательно. Между тем, отказ от нескольких устоявшихся, но необоснованных положений, и особенно расширение круга текстов, связанных с именем Тимофея пономаря, позволяют существенно уточнить объем и характер деятельности этого древнерусского книжника.

* * *

Из двух рукописей, содержащих имя Тимофея пономаря, Синодальный список НЛ на шестьдесят лет раньше стал известен русской ученой общественности. Первые издатели памятника в 1781 г.¹ (а еще ранее – впервые описавший его М. М. Щербатов²) не могли не обратить внимания на статью 1230 г., содержащую среди прочего известие о смещении, болезни и кончине игумена Юрьева монастыря Саввы: "Тои ж зимѣ въведоша съ Хутина от святого Спаса Арсьнѣя игумена, мужа кротка и смерена, князь Ярославъ, владыка Спуридонъ и всь Новгородъ, и даша игуменьство у святого Георгия; а Саву лишиша, посадиша и въ келии; и разболеся, лежавъ 6 недѣль, и прѣставися марта въ 15, въ субботу предъ обѣднѣю; а даи Богъ молитва его святая всѣмъ крестьяномъ и мнѣ грѣшному Тимофѣю понаманарю: бяшетъ бо мужъ благъ кротокъ, съмѣренъ и незлобивъ; покои Богъ душу его съ всѣми правдными въ царствии небеснѣмъ"³. Чтение Синодальной летописи сразу же поставило исследователей перед лицом характерного противоречия: в уже известном к тому времени "Татишевском" (Академическом) списке Новгородской летописи вместо слов "и мнѣ грѣшному Тимофѣю понаманарю" читалось "и мнѣ грѣшному Иоанну попови", а за самой летописью уже успело закрепиться

название "Летопись попа Иоанна". Писавшие в те годы о памятнике М. М. Щербатов, Авг. Шлецер, Н. М. Карамзин, Евг. Болховитинов и другие авторы по-разному пытались объяснить это противоречие, однако, как отмечал критически оценивший усилия своих предшественников П. М. Строев, "они часто принимали переписчиков за сочинителей и весьма многое говорили наугад и без доказательств", так что "из всех разысканий вышли одни только догадки"⁴. Вопрос о том, в каком отношении к тексту летописи находятся имена попа Иоанна и Тимофея пономаря, на начальном этапе изучения НИЛ был лишь сформулирован, но еще не стал предметом серьезного обсуждения. Положение изменилось с введением в научный оборот Лобковского Пролога, в послесловии к которому И. М. Снегирев впервые обнаружил в 1839 г. знакомое имя новгородского пономаря⁵.

Послесловие к Лобковскому Прологу, принадлежащее к числу наиболее пространных образцов данного жанра и, несмотря на наличие некоторых стилистических огрехов, не лишенное литературной изысканности, имеет следующий вид: "Въ лѣто ѿ ѿѿѿ написахъ книги сия рукою мою грѣшною азъ грѣшны Тимофѣи, понамаръ стѣо Якова, стѣоу ѡбразоу стажанцемъ Захаріе ѡлекшинича при попе ѡвѣстафии въ сѣсеніе дѣи и всемъ хръстїаномъ, послушающе съ страхомъ бжѣствныхъ дѣеполезныхъ словесъ стѣхъ ѡцъ и прркъ и мчнкъ. А которыи попинъ бѡбѡзничвыи прѣстомъ гнѣю прѣстолоу поминаи раба бжѣи Захарію, и рабу бжѣиу Нвдокию, и раба бжѣи Феодора, примете мздоу ѿ стѣо ѡбраза гнѣа, да подасть имъ гѣ црство свое и грѣхы ихъ потрѣбитъ тѣхъ всѣхъ стѣхъ поминаемыми въ книгахъ сихъ. А ци кто хытрѣ, попъ или дьякъ почнетъ цисти книги сия, а чи кде, ѡци и братіе, въ своѣи гроубости боудъ криво написаль, не исправиль, а сами исправаче цтите, примете ѿ бѣ мздоу, блгословите, а не кльните" (л. 148 об.).

При том, что запись Тимофея содержит вполне конкретное указание на время и место написания рукописи, их точное определение оказалось весьма проблематичным. По досадной закономерности из всего текста записи хуже всего сохранилась именно дата, последняя цифра которой в настоящее время имеет вид С (200), что явно лишено смысла. В зависимости от реконструкции первоначального вида этой цифры как *Ѣ*, *Ѧ* или *Ѧ* ("коппа") исследователи рукописи предлагали датировать ее соответственно 6705 (1197), 6770 (1262) и 6790 (1282) гг. Что касается места создания памятника, то его уточнение затрудняется существованием в Новгороде в рассматриваемый период двух церквей св. Иакова – на Добрыниной улице в Людине конце и на Яковлевой улице в Неревском конце. Обе церкви рас-

сматривались разными авторами в качестве возможного места службы Тимофея пономаря.

Неполный список писавших о происхождении Лобковского Пролога и соотношении его с Синодальным списком НЛ включает имена И. П. Снегирева, Д. И. Прозоровского, М. П. Погодина, И. И. Срезневского, арх. Филарета, архим. Сергия, П. А. Лавровского, И. П. Сенигова, А. А. Шахматова, Б. М. Ляпунова, И. А. Тихомирова, И. М. Троицкого, Д. С. Лихачева, М. В. Щепкиной, Т. Н. Протасьевой, Л. Н. Подвигиной, Г. И. Вздорнова, Б. М. Клосса и Я. С. Лурье. Обстоятельный обзор данной проблематики представлен в статье Г. И. Вздорнова⁶. Остановимся поэтому лишь на важнейших моментах, связывающих две рукописи и основных вариантах их интерпретации.

Замечательным событием в истории изучения новгородского летописания явилось наблюдение, сделанное в 1852 г. Д. И. Прозоровским. Еще задолго до этого внимание исследователей Синодального списка привлекала краткая автобиографическая заметка анонимного летописца, содержащаяся в статье 1144 г.: "В то же лѣто постави мя попомъ архиепископъ святыи Нифонтъ". Д. И. Прозоровский впервые сопоставил ее с известием статьи 1188 г.: "Томъ же лѣтъ переставися рабъ божии Германъ, зовемыи Воята; служивъшю ему у святого Иакова полъпятадъсятъ лѣтъ въ кротости и съмерении и богобоязньствѣ. Поя съ собою Пльскову архепископъ Гаврила, и дошедъ Пльскова разболѣся, и постриже и владыка и въ скиму, и преставися мѣсяца октября въ 13, на святую мученику Карпа и Папула, и положиша и у святого Спаса въ монастыри. Покои, Господи, душу раба твоего Германа, отпусти ему вся прегрешения вольная и невольная"⁷. Заметив, что промежуток между двумя сообщениями (44 года) оказывается равным времени служения Германа Вояты священником церкви св. Иакова, Д. И. Прозоровский пришел к выводу, что летописцем, упомянувшим о поставлении его попом в 1144 г., и был Герман Воята, священник той же церкви, в которой впоследствии служил пономарем Тимофей, писец Лобковского Пролога⁸. Данный вывод явился сильным аргументом в пользу отождествления Тимофея-писца Пролога и Тимофея, упоминающего о себе в летописи под 1230 г.

Д. И. Прозоровский, однако, не остановился на этом заключении, но дополнил его еще одним наблюдением, на этот раз уже чисто палеографического свойства, во многом предопределившим дальнейшую историю изучения Синодального списка. К тому времени историками и филологами уже была принята точка зрения, разграничивающая в Синодальной рукописи три основных почерка: первый, обрывающийся на половине фразы

”Ловоть взяша Литва и до Налюца /съ Бѣлее до Свинорта и до Ворча середу” в начале статьи 1200 г. (л. 1–62), второй, доходящий до середины статьи 1234 г. (л. 62–118 об.), и третий, обнимающий изложение событий 1234–1330 гг. (л. 119–216 об.). Обратив внимание на сходство второго почерка рукописи с почерком Лобковского Пролога, Д. И. Прозоровский заключил, что Синодальный список – не копия, но оригинал летописи церкви св. Иакова на Добрынине улице в Людине конце, начатой в XII в. священником Германом Воятой, труд которого, переписанный и доведенный его преемником до 1200 г. (первый почерк), был впоследствии продолжен пономарем той же церкви Тимофеем (второй почерк).

Вывод Д. И. Прозоровского об авторстве статьи 1144 г. не был оспорен никем из последующих исследователей и остается в силе до сих пор. Что же касается его построения в целом, то оно оказалось весьма уязвимым и неоднократно пересматривалось. Дискуссии по данной проблеме велись в основном вокруг следующих вопросов (одни из них в настоящее время могут считаться решенными, тогда как другие остаются открытыми):

1. Является ли Тимофей пономарь – писец Лобковского Пролога тем же лицом, что и Тимофей пономарь летописной статьи 1230 г.?

2. Какой из возможных датировок Лобковского Пролога следует отдать предпочтение?

3. При какой из двух церквей св. Иакова служил священником Герман Воята и состоял пономарем Тимофей?

4. Какую роль в новгородском летописании играла церковь св. Иакова?

5. В каком качестве упоминает о себе в летописи пономарь Тимофей?

Не останавливаясь подробно на истории каждого из перечисленных вопросов, охарактеризуем кратко лишь их современное состояние.

1. На первый вопрос абсолютное большинство исследователей отвечает утвердительно. Дополнительный аргумент в пользу отождествления двух Тимофеев был приведен недавно Г. И. Вздорновым, отметившим, что писец-пономарь – явление, необычное для древней Руси, где пономари, занимавшие самое последнее место в церковной иерархии и по характеру своих обязанностей не связанные с письменным словом, крайне редко занимались перепиской книг, остававшейся в основном прерогативой попов и дьяконов. Это обстоятельство делает совершенно невероятным и без того маловероятное предположение, ”что в Новгороде примерно в одно и то же время существо-

вало два пономаря с одинаковым именем Тимофея, которые оба служили при церкви св. Иакова, были грамотны и оба принимали участие в переписке рукописей¹⁰.

2. Из трех предлагавших вариантов чтения даты Лобковского Пролога – 1197-й, 1262-й или 1282-й годы – первый в настоящее время может быть с уверенностью отвергнут. О том, что Лобковский Пролог является рукописью XIII в., свидетельствуют как палеографические данные (“промежуточный характер письма, сочетающего архаические и новые черты”¹¹), так и орфография памятника, широко отражающая результаты утраты редуцированных гласных, что также не характерно для новгородских рукописей конца XII в.¹² Отказ от датирования рукописи 1197 г. значительно сужает возможные хронологические рамки деятельности Тимофея пономаря, не позволяя согласиться с исследователями, видевшими в нем книжника первой трети XIII в.

3. Относительно точного места службы Тимофея пономаря большинством исследователей была принята точка зрения Прозоровского, считавшего что им была церковь св. Иакова на Добрыниной улице в Людине конце. Об этом свидетельствуют как особенности ее упоминания в летописи (без уточнения местоположения, тогда как церковь на Яковлевой улице упоминается всегда с добавлением “в Неревском конце”), так и повышенный интерес, проявляемый в древнейшей части Синодальной рукописи к церковным и мирским делам именно Людина конца¹³. Этот вывод находит себе и иконографическое подтверждение: заставка Лобковского Пролога воспроизводит композицию двусторонней иконы “Спас нерукотворный/Поклонение кресту” XII в., являвшейся, по обоснованному предположению Г. И. Вздорнова, храмовым образом построенной около 1191 г. в том же Людине конце церкви Нерукотворного образа Спаса, для которой и был заказан список Пролога, выполненный Тимофеем пономарем¹⁴.

4. Гипотеза Д. И. Прозоровского, видевшего в церкви св. Иакова центр древнейшего новгородского летописания, были критически восприняты современниками. “Странно было бы допустить, – писал М. П. Погодин, – что летопись Новгородская велась в приходской церкви, а не при соборе”¹⁵. Мысль о Софийском соборе как основном центре летописной работы в Новгороде была в дальнейшем развита И. А. Тихомировым¹⁶ и окончательно доказана А. А. Шахматовым, показавшим, что Синодальный список представляет в своей основе летопись, создававшуюся на протяжении столетий при дворе новгородского кладыки. Этот владычный летописный свод мог, по предположению Шахматова, переписываться и редактироваться в при-

ходских церквях Новгорода, в том числе и при церкви св. Иакова, где обработку владычной летописи осуществлял в XII в. Герман Воята, а столетие спустя – пономарь Тимофей¹⁷.

5. С тех пор как Д. И. Прозоровский впервые обратил внимание на сходство почерка Лобковского Пролога со вторым почерком Синодального списка НЛ, Тимофей пономарь рассматривается большинством авторов как обладатель этого второго почерка. Как о втором писце Синодальной рукописи о пономаре Тимофее писали И. И. Срезневский, М. П. Погодин, П. А. Лавровский, И. П. Сенигов, А. А. Шахматов¹⁸. отождествление почерков имело, правда, и ряд противников. От него отказались И. А. Тихомиров и И. М. Троицкий, которые, впрочем, вообще не склонны были считать Тимофея Пролога и Тимофея летописи одним и тем же лицом¹⁹. Более взвешенную позицию занял в этом вопросе исследовавший Синодальный список в лингвистическом аспекте Б. М. Ляпунов: "Предположение Срезневского, что Пролог 1262 г. писан тем же пономарем Тимофеем, который говорит о себе в Новгородской летописи, может быть принято только при предположении, что эта часть рукописи Синодальной списана с другой, что весьма вероятно, так как в нынешнем своем виде "2-й" почерк Синодального списка обличает другого писца, чем Пролог № 187"²⁰. Несмотря на это предупредение, высказанное авторитетным лингвистом и палеографом, тезис о принадлежности Тимофею пономарю второго почерка Синодального списка сохранил свое господствующее положение. К нему присоединились авторы всех появившихся в последние десятилетия специальных работ на данную тему: Л. Н. Погодина, Г. И. Вздорнов, Б. М. Клосс и Я. С. Лурье.

Исследователи, признававшие Тимофея пономаря писцом Синодальной рукописи, по-разному решали вопрос о его отношении к содержащемуся в ней тексту Новгородской летописи. В историографии новгородского летописания отчетливо прослеживается следующая тенденция: вклад в него пономаря Тимофея с течением времени оценивался исследователями как все менее и менее значительный. Д. И. Прозоровский, считая Синодальный список оригиналом летописи, видел в Тимофее одного из основных ее авторов. Пересмотр роли церкви св. Иакова в новгородском летописании имел своим следствием и понижение литературного ранга Тимофея, отведя ему место среди яковлевских клириков, так или иначе участвовавших в создании местной обработки владычной летописи. Однако, если А. А. Шахматов еще склонен был видеть в Тимофее пономаре летописца-редактора, дополнявшего древний летописный свод церкви св. Иакова на основании владычного свода, то Г. И. Вздорнов, автор последней обобщающей работы, посвященной данной

проблеме, отказывает Тимофею и в этом качестве, разделяя скепсис Е. Е. Голубинского относительно литературных возможностей новгородского пономаря: "Е. Е. Голубинский, возражая тем ученым, которые хотели видеть в пономаре Тимофее новгородского летописца XIII в., язвительно замечал, что, по их мнению, у нас на Руси был столь высокий уровень просвещения, что даже пономари и те имели чуть ли не академическое образование (Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, первая половина. М., 1880, стр. 653, прим. 2.) Видный историк церкви еще при жизни заслужил славу скептика, чьи сомнения часто не подтверждались фактами, но в данном случае он, вероятно, близок к истине. У нас нет оснований утверждать, что пономарь Тимофей был одним из авторов летописи. Наверное, она, как и в XII в. велась при церкви св. Иакова ее священником, а Тимофей был привлечен лишь к переписке летописи"²¹.

* * *

Итак, согласно господствующей в настоящее время точке зрения, Тимофей, пономарь церкви св. Иакова на Добрыниной улице в Людине конце, переписавший в 1262 г. (или 1282 г.) Пролог для церкви Нерукотворного образа Спаса, принимал участие в качестве переписчика и в создании Синодального списка первой Новгородской летописи, представляющего собой (в древнейшей своей части) отредактированную и дополненную местными известиями копию владычного летописного свода, созданную при церкви св. Иакова.

Оценивая данное построение с точки зрения его обоснованности, приходится констатировать следующее парадоксальное обстоятельство: при том, что в обсуждении вопроса о соотношении Лобковского Пролога и Синодального списка НИЛ ключевую роль играют данные палеографии, детальное палеографическое сопоставление двух рукописей ни разу не было произведено за всю полуторавековую историю их совместного изучения! Следует признать, что основополагающий для традиционной трактовки фигуры Тимофея пономаря тезис о принадлежности ему второго почерка Синодального списка покоится на весьма шатком основании. Очевидно, что речь может идти лишь о сходстве, но никак не о тождестве двух почерков, несомненные различия между которыми бросаются в глаза уже при первом беглом сопоставлении рукописей. Степень расхождения почерков Пролога и летописи была явно недооценена Д. И. Прозоровским, заметившим, что "все различие их в качестве; видно, что первый писан чисто, с большей тщательностью, а последняя свободною рукою; потому-то единственно и различаются буквы

Ж и Я”²². Это наблюдение Прозоровского, сделанное в эпоху, когда русская палеография еще не сложилась как научная дисциплина, было некритически воспринято другими авторами, которые, не вдаваясь в тонкости палеографического анализа, продолжали констатировать сходство почерков, с легкостью переходя от этой констатации к утверждению принадлежности второго почерка Синодального списка пономарю Тимофею. Лишь в самое последнее время была осуществлена попытка палеографически обосновать это утверждение.

По мнению Б. М. Клосса и Я. С. Лурье, считающих Тимофея писцом обеих рукописей, ”все отличия почерка Синодального списка от Пролога могут быть отнесены за счет старшинства последнего: 1) ”ук” встречается в Синодальном списке часто, в Прологе же – только один раз (л. 34 об.) (и в выносе – на л. 106 об.); 2) наоборот, покрытия ”М” и ”Ч” встречаются в Синодальном списке реже, чем в Прологе; 3) крестовина в букве ”Ж” в тексте Пролога помещается обычно посередине, в Синодальном списке – несколько приподнята; 4) в Синодальном списке имеются украшения в буквах ”Ф” и ”О”; 5) букву ”кси” писец Пролога выполняет простым росчерком, тогда как в Синодальном списке ее верх либо в виде чашечки, либо получашечки”²³. И этот список, однако, является далеко не полным. Несходство двух почерков наблюдается, помимо указанных Б. М. Клоссом и Я. С. Лурье, также в следующих пунктах: 6) по-разному пишется ”ω”: в Синодальном списке она имеет симметричный начерк, с утолщениями на концах; в Прологе ”ω” пишется свободным асимметричным начерком, без утолщений; 7) по-разному пишется ”з”: в Синодальном списке ”хвост” буквы заворачивается параллельно строке, в Прологе направлен вниз; 8) в Синодальном списке ”И десятиричное” пишется на конце строки с двумя точками; в Прологе – с одной; 9) в Синодальном списке переключательная в букве ”Ю” регулярно пишется с точкой посередине, в Прологе – без точки.

Помимо названных палеографических различий имеется несколько важных графических расхождений. Одно из них – отсутствие ”Ѹ” в графическом инвентаре писца Лобковского пролога – уже было указано Б. М. Клоссом и Я. С. Лурье. Кроме того 10) в Прологе начальное [о] последовательно обозначается буквой ”ω”; в Синодальном списке это правило не действует и ”ω” за редчайшими исключениями в начале слова не употребляется, встречаясь лишь в предлоге/приставке ѿ и сокращении имени ѿ. Наконец, важнейшей графической приметой Пролога, полностью отсутствующей в Синодальном списке, является 11) последовательная постановка точек над буквами гласных, когда они следуют не после согласных (т. е. в начале слова или

после гласных). При этом одна точка (а не две точки или штриха, что встречается чаще) ставится также над "ω" в начале слова и, что особенно характерно, над одиночным У после согласного на конце строки (например, на л. 53 об.: *блү/дниць*, но *блоудница* и *блоу/днаго*. Такое начертание следует, видимо, трактовать как "свернутый" вариант диграфа ОУ).

Думается, что перечисленных палеографических и графических различий вполне достаточно, чтобы, непредвзято подходя к материалу, решительно отказаться от приписывания Тимофею пономарю второго почерка Синодального списка НПЛ. Действительная палеографическая дистанция между почерками летописи и Пролога такова, что они, несмотря на определенное сходство, никак не могут быть признаны принадлежащими одному лицу. Этот негативный вывод заставил предпринять поиск более близких палеографических аналогий для обоих почерков в новгородской письменности XIII века.

*
*
*

Для второго почерка Синодального списка такой поиск неожиданно оборачивается еще одним палеографическим парадоксом. Дело в том, что по всем без исключения признакам, отличающим его от почерка пономаря Тимофея, этот "второй" почерк оказывается полностью совпадающим с "первым" почерком того же Синодального списка. Иначе говоря, само разграничение "первого" и "второго" почерков Синодальной рукописи, воспринимаемое практически всеми исследователями памятника как само собой разумеющееся, является в действительности не чем иным, как глубоко укоренившимся в историографии новгородского летописания палеографическим мифом, не имеющим под собой никакого реального основания.

В действительности Синодальный список в древнейшей своей части (л.1–118 об.), датируемой XIII в., написан не двумя, но одним почерком, характер которого (плотность, степень каллиграфичности, размер букв и толщина линий) неоднократно меняется на всем протяжении данной части рукописи, при том что формы и пропорции букв остаются относительно постоянными. Один из таких переходов от более мелкого и сухого к более крупному и размашистому письму и был принят за границу "первого" и "второго" почерков. Достаточно, однако, сравнить письмо верхней половины л. 62 ("первый почерк") с письмом л. 78, а письмо нижней половины того же листа ("второй почерк") с письмом л. 22 об. (см. илл. 1, 2), чтобы убедиться

в абсолютной искусственности этого разграничения (ср. также характерный переход от крупного к мелкому почерку на л. 39)²⁴.

Автором данного палеографического мифа явился Я. И. Бередников, в 1841 г. в предисловии к 3 т. Полного собрания русских летописей впервые заявивший о наличии в основной части Синодального списка двух почерков XIII в. и одного XIV в.²⁵. Это положение, с самого начала палеографически не аргументированное, на протяжении всей дальнейшей истории изучения Синодального списка воспринималось, однако, как очевидный и не нуждающийся в специальных подтверждениях факт. Лишь А. И. Соболевский в рецензии на издание 1888 г. попытался развеять это заблуждение, отметив, что, по его мнению, вся первая часть рукописи одним писцом²⁶, однако его голос услышан не был. Несколько позже Б. И. Ляпунов, предельно аккуратный и осторожный в своих выводах, остановился на пороге отмены разграничения двух почерков, признав, что собственно палеографические основания для их выделения отсутствуют и что "резкая разница на стр. 124 может происходить от разницы в чернилах", но в конце концов остался при традиционном взгляде, который с тех пор никто более не пытался пересмотреть²⁷.

Отказ от разграничения в древнейшей части Синодального списка двух почерков и возвращение к предложенному еще М. М. Щербатовым, но затем несправедливо "уточненному" выделению в рукописи лишь двух разновременных частей XIII и XIV вв. (л. 1–118 об. и л. 119–166 об.) влечет за собой существенный пересмотр традиционной лингвистической интерпретации памятника, неизменно следовавшей в русле суммарного статистического обследования "трех почерков". Его результатам будет посвящено специальное исследование, предваряя выводы которого заметим лишь, что лингвистическая неоднородность древнейшей части Синодального списка, обычно трактуемая в терминах противопоставления орфографических систем и диалектов "двух писцов", при ближайшем рассмотрении оказывается следствием довольно точного отражения одним писцом лингвистической неоднородности протографа рукописи – владычного летописного свода, в работе над которым на протяжении двух столетий сменяли друг друга летописцы разных поколений, говорившие на разных локальных вариантах древненовгородского диалекта и обладавшие разными представлениями о норме книжного языка. Так, например, неоднократно отмечавшаяся исследователями большая архаичность "первого" почерка по сравнению со "вторым" в том, что касается отражения падения редуцированных гласных, в действительности есть лишь проявление большей древности текста, содержащегося в соответствующей части рукописи²⁸.

Сюжет о "трех почерках" Синодального списка НН заставил нас несколько отвлечься от основного предмета нашего внимания. Между тем результаты поиска палеографических аналогий для Лобковского Пролога превосходят все ожидания: тот же почерк обнаруживается еще в пяти (!) древнерусских рукописях. Характерно, что почерки двух из них уже были ранее отождествлены Н. Б. Тихомировым. Это вторая часть так называемого "Софийского" Пролога (ГПБ, Соф. 1324) и древнейший русский список Апокалипсиса из собрания Н. К. Никольского (БАН, Никольск. I).

Апокалипсис Никольского, обычно широко датируемый XIII в., сохранился полностью и представляет собой небольшую рукопись в 4°, написанную на пергамене плохого качества и очень скромно оформленную. Полный текст Апокалипсиса с толкованиями Андрея Кесарийского переписан одним писцом, не оставившим ни записи о времени и месте написания рукописи, ни каких-либо иных помет. Значительно более сложную структуру имеет Софийский Пролог. Объемистая рукопись на л. 172г-173в, написанная разными почерками XII-XVI вв. на пергамене и бумаге, распадается на две части. Первая часть, датируемая рубежом XII-XIII вв. и, судя по языку, имеющая новгородское происхождение, содержит текст древнейшего перевода Синаксаря за сентябрь - февраль. Вторую часть составляют отдельные переписанные слова и поучения на те же месяцы, совпадающие с читаемыми в I (краткой) редакции Пролога. Эта часть рукописи, за исключением восполнений почерками XV-XVI вв. на л. 182 и 235-241, датируется XIII в. и содержит в языке многочисленные новгородизмы. Сводный каталог рукописей XI-XIII вв. отмечает участие в создании кодекса двух писцов XIII в. (л. 161-287 за исключением л. 182 и л. 288-317)²⁹. В рукописи имеется, однако, еще один почерк XIII в., принадлежащий писцу, дважды подменявшему основного писца второй части. Им написан текст на л. 172г-173в и л. 178а (начиная с 21 строки) - 185г. Данный почерк, по общему впечатлению весьма сходный с почерком основного писца, в то же время отличается от него по целому ряду признаков (см. илл. 4)³⁰.

С почерком Апокалипсиса Никольского Н. Б. Тихомировым был отождествлен почерк основного писца второй части Софийского Пролога³¹. Есть, однако, все основания утверждать, что этим писцом был не кто иной, как пономарь Тимофей, писец Лобковского Пролога. Подчеркнем, что речь идет не о сходстве, но об абсолютной идентичности почерков трех рукописей, позволяющей с уверенностью говорить о принадлежности их

одному и тому же лицу. Заметим также, что оригинальное сочетание архаизмов и инноваций, независимо отмечавшееся В. И. Перетцем для Апокалипсиса Никольского и М. В. Щепкиной для Лобковского Пролога³², а также общая небрежность почерка Тимофея делают его исключительно характерным, что заставляет отвести мысль о разных писцах, с одинаковым совершенством следующих принципам единой каллиграфической школы.

Что нового можно сказать о пономаре Тимофее на основании атрибуции ему указанных книжных кодексов? Приходится признать, что он был плохим каллиграфом и не слишком аккуратным переписчиком: исследователи Апокалипсиса Никольского и Софийского Пролога отмечают многочисленные примеры его невнимательности³³. Замечательно, однако, что в Софийском Прологе Тимофей выступает не просто в качестве переписчика, но как редактор, дополняющий переписанный на Юге и привезенный в Новгород Синаксарь словами и поучениями, извлеченными из списка распространенного Пролога³⁴. Симптоматичным представляется также местонахождение рукописи. В то время как происхождение Апокалипсиса Никольского не прослеживается далее книжной лавки Н. В. Шибанова в Москве, где рукопись была приобретена ее последним владельцем, принадлежность Пролога библиотеке Софийского собора, возможно, является изначальной, о чем косвенно свидетельствует помета почерком XVI в.: "вѣдѣцъ Алескѣя (так!) гѣ помози рабу" (л. 317). К такому допущению подталкивает и структура кодекса: в дополнении привезенного из южной Руси (Киева?) исправного и дорогого списка Синаксаря естественнее усматривать специальный софийский заказ, чем ординарную работу, предназначавшуюся для одного из новгородских приходов или монастырей. Выполнение этого заказа Тимофеем пономарем свидетельствует в таком случае о его связях с двором новгородского владыки.

О характере этих связей можно было бы лишь догадываться, если бы не следующее обстоятельство, решающее для понимания фигуры Тимофея пономаря: помимо уже названных трех книжных кодексов, его почерк обнаруживается еще в трех текстах, относящихся к совершенно иной области древнерусской письменной традиции: это три договорных грамоты Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем (ЦГАДА, Гос. древлехранилище, Отд. I, рубр. III, № 1, 2, 3; ГВНП № 1, 2, 3), датируемые, согласно новейшему исследованию В. Л. Янина, 1264 г. (№ 1 и № 2) и 1268 г. № 3)³⁵ (Здесь и далее номера указываются по ГВНП).

Сходство почерка Лобковского Пролога с письмом новгород-

ских пергаменных грамот (без указания – каких именно) уже отмечалось Г. И. Вздорновым, однако было трактовано чисто типологически, как указание на то, что Пролог написан не профессиональным писцом-каллиграфом³⁶. Между тем, и в данном случае налицо не просто сходство, но полное совпадение почерков трех кодексов и трех грамот как во всех основных начерках, так и в деталях (ср., в частности, уже упоминавшееся У на конце строки), позволяющее отождествить их без каких-либо оговорок. Небольшого комментария заслуживает лишь атрибуция Тимофею первой из трех грамот.

По мнению Л. В. Черепнина, грамота № 1 написана почерком, отличным от почерка двух других документов³⁷. При ближайшем рассмотрении, однако, все отличия сводятся лишь к большей небрежности почерка, в точности сохраняющего тем не менее все основные буквенные начерки и особенности пунктуации, свойственные ему в других рукописях Тимофея. Грамота № 1 написана размашисто и быстро, без всякой оглядки на требования каллиграфии, чем объясняются такие ее особенности, как систематическое употребление € вместо Ѧ, написание чашечки "Ч" с покрытием без отрыва руки, общая неровность письма и др. Следует заметить, что такого рода колебания вообще достаточно характерны для почерка Тимофея. Так, например, послесловие к Лобковскому Прологу, выполненное им относительно аккуратно, по общему впечатлению, оставляемому почерком, ближе к грамотам № 2 и № 3, тогда как письмо основной части рукописи обнаруживает местами практически ту же степень свободы от каллиграфических условностей, что в грамоте № 1.

Особая небрежность письма, отличающая грамоту № 1, далеко не случайна. Как отмечают Л. В. Черепнин и В. Л. Янин, данный документ представляет собой черновой проект, "типовой образец сложившегося к 1264 г. формуляра новгородско-княжеского dokonчания, лишь в небольшой степени дополненного локально-хронологическим материалом"³⁸. Это отличает его как от грамоты № 2, также являющейся проектом, но отражающей более продвинутый этап выработки текста договора, так и от грамоты № 3 – подлинника dokonчания 1268 г. Таким образом, различия в характере письма обусловлены различиями в статусе рассматриваемых документов³⁹.

Атрибуция трех договоров с Ярославом Ярославичем перу Тимофея пономаря переводит наши представления о нем на качественно иной уровень. Все три документа, содержащие обращение к князю от лица новгородской администрации и "всего Новагорода" начинаются со слов "благословение от владыкы". Кажется, не приходится сомневаться в том, что разра-

123
ИЗЪ СЕЛЪ СЯ ИМѢЮЩИХЪ ВЪ ДАХЪ СЕВЪ ТРОИ
И ДУ СНА ВЪ СЕВЪ СЕВЪ СЕВЪ СЕВЪ СЕВЪ СЕВЪ
БХЪ МЦА ГЕНВАРѢ ХЪ А НА СТОБАСИ
ЛИГА И ПОСАДИША НА СТОЛѢ ВЪ СТО
И СОФНИ И ОБРАДОВА СЯ ВЪ ГАНОВЪ ХРО
РОДЪ: ВЪ Т^ЖТО ЛѢ ВЪ ХРО СЪ ГЕРОДЪ
БЛОЖИША:

Р^ТЛѢ 2. ЧИ. ЛОВСТА ВЪ ЗЪША А И
ТКА. НА О ПЛЮЦА СЪ БѢ ЛЕ ДО
СВИНОРТА. И ДО ВОРУА СЕРЕДОУ
НГНАША СЯ НОВГОРОДЪ ЦИ ПОНИ
ХЪ И ДОЦЕРНА И ХЪ И ВЪША СЯ
СМИ И И. МОУ БИША А И ТЪ И МЪ
ЖЪ П. А НОВГОРОДЪ ЦЪ. СЪ ГРА
ГОУ ИЛОУ ПРОКОПИНИЦА СЪ БРА
МВОЛЬКСЮ. ГЮРГА СЪ ВЪ ГШКН
ИИЦА. РАТЪ И И РА И ХЪ ЖАТНИ
ЦА. СТРАШКА СЕРЕБРНИКА ВЪ

Въ лѣтѣ 2. Ѳ. ка. въ петровогове
няе. изъ хрѣшала и тѣ бабѣ збожнѣ
мѣ. пльсковъ и по жгоша. пльсковѣ и цѣ
бо бахоу въ то вре. изъ гмѣ лики изъ дво
лоднѣ и рѣ ѿ себе. а пльсковѣ и цѣ
хоу маоу зѣ рѣ. и много створиша зла
и ѿ нѣ доша.

Въ лѣтѣ 2. Ѳ. кв. тѣ цѣ февраля.
въ а. днѣ въ мѣ. сыропомоу. гро
шѣ зѣ. по за ѣ мнѣ. и в снѣ а зѣ ша
и потокъ гдѣ зѣ мѣ и в дѣ ша а лѣ тѣ
цѣ. то же днѣ и дѣ км зѣ мѣ стнѣ сла.

а

77
тахоу ии о гокн зѣ. развѣ и то пѣ
лка. и вѣ дѣ и шѣ стѣ пѣ лка. и сво
иероу и оу. в зрѣ тнѣ х сѣ гю рги.
о же поустнѣ лѣ снѣ зѣ сво ии ноу
городоу. ноу сѣ лѣ шѣ ашѣ и вѣ
гѣ родѣ. тако стѣ пѣ лка и дѣ тѣ

б

покаргоу амхкѣ боу сд^о
бещахъ н бою сж аще го
не по вергоу. злѣднни
нощнда сѣтъмн. не веда
ч то створю. нгша оми
емоу. да ндешиснимъ.
воке анкомоу антоню.
нбо звестнѣ моу. да же
ти рѣчѣ чотворн. бо бо
гоке гатѣ антоннемъ.
ниоклоникъ сж еклоги
нпослоушанхъ. нобльѣ
нлоснагъ. нкложнего въ
корабль. ннзндевощю.
нзграда. нне се не говхъта
настѣрѣ. нъ ве анкому
антоню. нбо звестнѣ
моу. о не мѣже прада сѣнд
же повеле нмоу прнвсѣ
нкрапповедачѣ. повеле
ннеже кхъ ѡвс анто
ннѣ. дкѣ рабъ зевлогн.
рѣ прнвсѣ хъ сего ра сла
бленаго ѡбрѣтохъ азъ.
на распути нповѣрже
на нне пекощю сж онемъ.

никотомуже. нпоши.
локавнѣ то ба ш о ан
хъ да шнда сѣта ба го
да гнѣтѣ рлѣ кннѣ сѣ
нѣтѣ рѣ а покою. да
на зспѣоу сажетора
ди. нтѣ позо нѣмъ бѣ
дѣтѣ ѡтѣ ке нсе ѡ
нѣлѣ же нсѣ въ кѣ
пѣ. яѣ нсѣтѣ. бѣ. яко
же нтѣ вѣ не сто стѣ
ѡкрыса всѣ. нъ нѣ
вѣдѣтѣ толюто при
ятѣ ѡмѣне. потолі
цѣ хъ алѣ хъ здѣтѣ
нъ нѣтѣ роу жа кѣтѣ.
потѣ гла нѣ же нѣво
врѣци. сѣтѣ ошѣна
сѣ помоуднѣ шннѣ
сѣтѣ радн прадо хъ кѣ
тѣво нѣ стнн. да шѣ.
на ка же шнѣтѣ го
творнѣтншн. нпо
шолншн сѣ ѡмѣнѣ.
лютѣ бо троуднѣтѣ.
тѣла гла нѣтѣ оувѣлі.

БОУ ИВЛА И ТЪ. ВЪ ЦРКВИ ЖЕ СЯ ДЪ УЛВЦА СЪТ ВОИ
НА ИХЪ. И ИМЯ ЕИ КОТВО РЕЦЬ КЛАДЪ ТАШЕ.
ЛИ ВЛАСТИ ИАКО ЦРАН СОУДЪЯ. ДВОСТОЯЩЕ
Ю. БРАКЪ ЖЕ ЦРКВНОИ СЪ БОУ ПРИМЪ СШЕ И
ИЕ. И ГОЛОУЖЕ КЪ ВЪ ОДНИЦИ СТИ ИА ПЛЪ ВЪ ШАИ.

кѣ

ОБРАТЪ ГЪ ТА ИИЪ И ИСО

сли

ВЕ УЕРНА ГЛАЦН.:

ЖЕНА ИГО ОУГОТЪ КАЛА ЕСТЬ СЕБЕ ИА ИНО
КЪ ВЪ ИИДА СЪ БЛЪЦЪ ТЪ СЪ ВЪ КОУ СОВЪ СЪ
ТЪ АТНУТЪ. КОУ СО КЪ БО СЪ ПРАВДА И ИА СЪ ТЪ

сли

СОУТЪ.:

ВЪ СЪ ПРАВДА И ИА СЪ ТЪ ВЪ СЪ ДЪ ЦРКВИ ИА ТЪ
СЪ БЛЪЦН СЪ ВЪ РАЗОУТЪ ТЪ ТЪ КЪ ИИ И ВЪ
СОКЪ И.:

сли

И ГЛА ИИ ИА ИИ ИИ. БЛЪ ИИ ИИ. ВА ИИ ИА ВЕ ЧЕ РЮ.
БРА ИА И СМ ИА. И ГЛА ИИ ИИ СЛОВА СЕА И СТИ
И В ИА ИИ ИА СОУТЪ.:

сли

ВЪ СЪ УЕРА ДЪ ИА ЕСТЬ СЪ СЕ КЪ ДЪ ПРАЗДНИ И ВЪ
В СЕ ЛН И. В СЕ ИИ И Д О Б РЪ И И СЕ Б А Ш Е И О. И
ЖЕ БЛЪ ИИ И И ОУ Д ОУ А ТЪ. И СТИ И Ж Е И И И О
И И ВЪ ТЪ Б РЪ Т О Г Л А И И И С О У ТЪ. И Б О Л Е Б И К О
СЪ БЪ Ш А К И И. ИА И Г О РЪ Ж Д О Б Р О У С О У Щ И О

БЛГОСЛОВЛЕНІЕ В ДКН ПО КЛО НЪ СЪ ПОСАДАННА ПАКШЕ
Й СЪ ВЪ ХЪ СЪ ТА РЪ ШН ХЪ НЪ ВЪ ХЪ ШН ХЪ НЪ СЪ ВЪ СЪ Г
НО ВЪ АГО РОДА КЪ ТН ПУ КЪ НЪ Ю ІА РО СЛА ВОУ НА СЪ ТО КЪ НЪ ЖЕ ЦЪ
ЛОУ ЧН ХЪ КЪ ВЪ СЪ ТОУ НЪ ВЪ ОУГО РОДОУ НА ЦЪ ШЪ ЦЪ ЛОКА
ЛН ДЪ ДН НЪ СЪ ЦЪ ТВО НІА РО СЛА ВЪ МО КТО РО ДЪ ТН ДЪ РЖА ТН
КЪ СЪ ТА РН НЪ ПО ПО ШЛ НІА ЧТО ВОЛО СЪ ТН НЪ ВЪ СЪ ХЪ МО ВГО РО
ДЪ СЪ КЪ ХЪ ТЪ ХЪ ВОЛО СЪ ТН НІА КЪ ЖЕ НІА ДЪ РЖА ТН ТН СВО НІА
ШОУ ЖН НЪ ДЪ РЖА ТН НІА ОУЖН НІА ВГО РО ДЪ СЪ КЪ ШН ДА ДЪ РЖА ТН
ТО КЕ НІА ТН СЪ ТЪ ХЪ ВОЛО СЪ ТН НІА БЕС ПО СА ДАННА ТН КН ЖЕ
СЪ ЦА ДА МЕС ОУ ДА ТН НІА НІА КОЛО СЪ ТН НІА РАЗА И ВА ТН НІА ГРА ТОУ ТУ
ТН ДА ІА ТН АКО ТОУ КОЛО СЪ ТН РОУ ДА ІА МЛЪ ДІА ШН ТН НІА СЪ НОВО
РО ДЦН НІА ЛЕ КІА НА РЪ БРА ТЪ ТВО НІА ТЪ ХЪ ВОЛО СЪ ТН НІА ТО БЪ КЕ
УЖН ЧЫ НІА ША ТН АУ ТО ТН КН ЖЕ ПО ШЛО ДА ТО РО ЖКОУ НІА КО
ЛОУ ХЪ ТН КОУ ЧЪ СЪ КО НІА ДЪ РЖА ТН НА СЪ ВО НІА УЛ СЪ ТН АКО УГО РО ДЪ
ЦА НА СЪ ВО НІА ЧА СЪ ТН АБЪ КЕ ЖН У ДЪ ХЪ ЧО БЪ КН ЖЕ НІА ЧЪ ВО ІСНІА
ГЪ ЧН НІА НІА ТВО НІА ВЪ БО ІА РО ШЪ МЫ ГЪ БО НІА ШЪ СЛОУ ГА ШЪ СЕ ЛЪ НІА
ДЪ ЖА ТН НІА НІА КОУ ША ТН НІА ДА РО СЪ ТН ГР НІА ША ТН

ботка докончаний велась под сводами св. Софии и при ближайшем участии занимавшего в рассматриваемый период новгородскую кафедру архиепископа Далмата, политическая активность которого в новгородско-княжеских отношениях прекрасно засвидетельствована летописью⁴⁰. Тимофей пономарь оказывается, таким образом, лицом, приближенным к архиепископу, присутствующим (очевидно, в качестве владычного нотариуса) на всех этапах подготовки и заключения важнейших политических актов Новгородской республики. В этом отношении весьма показателен еще один краткий текст, написанный рукой Тимофея, — помета на обороте грамоты 1268 г.: *"се приѣхаша послы ꙗ Менгоу Темера црѣа сажать ярослава съ грамотоу Чевгоу и Баиши"*. Запись, явно сделанная уже после заключения договора с Ярославом, позволяет предположить, что тексты докончаний находились в ведении пономаря Тимофея и после их написания.

*
*
*

Признание Тимофея пономаря писцом точно датированных новгородских актов позволяет уточнить датировку написанных им книжных кодексов, окончательно остановившись на более ранней из двух возможных дат Лобковского Пролога — 1262 г. — и отнеся Апокалипсис Никольского и вторую часть Софийского Пролога, ранее широко датировавшиеся XIII в., к рукописям середины столетия. Однако главным следствием этой атрибуции является возможность заново рассмотреть вопрос об отношении Тимофея пономаря к тексту Новгородской летописи.

Как мы уже видели, литературный ранг Тимофея с течением времени неуклонно понижался в глазах исследователей, в конечном счете оставивших за ним скромную роль одного из писцов Синодального списка. Однако, как было показано выше, это положение является палеографически несостоятельным. Между тем то новое, что мы узнаем о Тимофее пономаре из действительно написанных им рукописей, позволяет, как кажется, восстановить его в тех правах, которые признавали за ним первые исследователи Синодального списка. Лицо, состоявшее в качестве секретаря при новгородском владыке и находившееся тем самым в гуще политической жизни Новгорода, имеет все основания претендовать и на роль владычного летописца. Совмещение этих двух функций кажется вполне закономерным.

То обстоятельство, что пономарь церкви св. Иакова одновременно выступает в роли владычного нотариуса и летописца, крайне показательно. Оно обнаруживает искусственность самой постановки вопроса о том, где — при Софийском соборе или

при церкви св. Иакова – составлялась Новгородская летопись. Патрональный храм Новгорода, естественно, не мог быть изолирован от жизни его многочисленных приходов, находившихся в постоянном общении с домом святой Софии. Конечно, непрерывное ведение на протяжении нескольких столетий летописных записей могло быть только инициативой епископской кафедры, и в этом смысле новгородское летописание было, безусловно, владычным. Однако, как со всей очевидностью свидетельствует пример Тимофея пономаря, к выполнению этой работы могли привлекаться не обязательно "софьяне", но также и представители других новгородских церквей и монастырей, вне зависимости от своего иерархического положения заслуживавшие доверия владыки.

Церковь св. Иакова находилась, по-видимому, в особых отношениях с новгородской кафедрой. Можно полагать, что и Герман Воята не был лишь автором местной обработки владычной летописи, но сам состоял при владыке в той же роли, которую столетие спустя выполнял пономарь Тимофей. Напомним обстоятельства кончины Германа Вояты, случившейся в Пскове, куда его "поя съ собою архиепископъ Гаврила". Г. И. Вздорнов, комментируя это сообщение, допускает, что "священнику церкви св. Иакова вменялось в обязанность присутствовать в составе новгородского владычного посольства в качестве летописца"⁴¹. Однако, учитывая известный лаконизм новгородских летописей, присутствие в составе посольства специального летописца кажется необязательным. Резоннее полагать, что Герман Воята исполнял в данном случае роль секретаря посольства, естественно, облегчавшую последующее составление летописных записей.

На протяжении какого времени вел Новгородскую летопись Тимофей пономарь? Его авторство следует, очевидно, в первую очередь предполагать для статей 1264–1268 гг., т. е. того периода, в который документально засвидетельствовано исполнение Тимофеем обязанностей владычного нотариуса. Однако имя Тимофея появляется в летописи более чем на тридцать лет раньше! Если автором статьи 1230 г. действительно был Тимофей пономарь, его вклад в новгородское летописание должен быть признан исключительным: значение этих десятилетий для истории Новгорода и Руси в целом не нуждается в напоминании.

Хронологические пределы деятельности Тимофея пономаря в качестве новгородского летописца могут быть, на наш взгляд, определены достаточно точно. Однако их обоснование, требующее детальной и разносторонней аргументации, не укладывается в рамки настоящей статьи. Заметим лишь, что

палеографические особенности почерка Тимофея, достаточно архаичного для 60-х гг. XIII в., не противоречат предположению, что в эти годы его долгая карьера писца и летописца уже близилась к своему завершению.

* * *

Подведем некоторые итоги. По сравнению с письменным наследием его современников, судьба рукописей Тимофея пономаря сложилась не редкость благоприятно. Время пощадило целый комплекс текстов, связанных с его именем, причем относящихся к трем разным областям письменной культуры древней Руси. В отличие от огромного большинства древнерусских писцов, Тимофей пономарь предстает перед нами сразу в целом ряде функций – книжного писца и редактора, автора послесловий, писца дипломатических актов и, наконец, летописца (Заметим, что своей известностью в этом качестве пономарь Тимофей всецело обязан писцу Синодального списка, сохранившему упоминание его имени, не устранив его и не обратив в "имярек", как это сделал впоследствии поп Иоанн). Нельзя не отметить и характерной "специализации" Тимофея: все связанные с его именем манускрипты являлись древнейшими образцами соответствующих жанров. Учитывая все это, не будет преувеличением сказать, что Тимофей пономарь – фигура уникальная в древнерусской письменности XI–XIV вв.

Эта уникальность, однако, есть лишь следствие общей плохой сохранности древнерусских письменных источников. Между тем, для своей эпохи Тимофей пономарь представляется, напротив, фигурой исключительно характерной и типичной. Тимофей, безусловно, не принадлежал к новгородской книжной элите: нам уже не раз приходилось отмечать его крайне невысокий уровень как каллиграфа и переписчика. Возможно, именно этим объясняется отсутствие среди рукописей Тимофея списков богослужебных книг, которое на фоне в целом существенно лучшей сохранности именно этой категории источников едва ли является случайным. Характерно, что написанные в ту же эпоху богослужебные кодексы (Трефолой 1260 г., Симоновское Евангелие 1270 г., Захарьинский Паремейник 1271 г.) отражают существенно более высокий уровень каллиграфического мастерства. Можно думать, что изготовление списков литургических и гимнографических текстов, требующее от переписчика наибольшего усердия и внимания, просто не поручалось новгородскому пономарю.

Было бы, однако, неверно видеть в невысоком качестве манускриптов, написанных Тимофеем, лишь проявление его

личного несовершенства как книгописца. Оно является, скорее, отражением общего уровня рядовой книжной продукции Новгорода середины XIII в. Не следует забывать, что Лобковский Пролог – одна из первых датированных рукописей, появляющихся после почти сорокалетнего "молчания" древнерусской книжной традиции. Суровые обстоятельства первых десятилетий татарского нашествия (для Новгорода усугубленные постоянной конфронтацией с Западом), замедлив течение всей художественной жизни Руси, не могли не отразиться и на искусстве книгописания, переживающего в эту эпоху глубокий кризис. Крайним выражением этого кризисного состояния, когда старые каллиграфические принципы были подорваны, а новые еще не успели сформироваться, и является грубый и "неправильный" почерк Тимофея пономаря.

Если внешне особенности письма Тимофея обличают в нем характерного представителя своей эпохи, то функциональное разнообразие написанных им текстов отражает специфику древнерусской культурноязыковой ситуации в целом. Эта специфика отчетливо выявляется при сопоставлении с письменной традицией греко-латинского культурного ареала, важнейшей особенностью которой было наличие особого канцелярского письма, противопоставленного книжному письму. "Стиль его, – пишет О. А. Добиаш-Рождественская, – заботливо и веками оберегала от изменений корпорация писцов. Древние антиквариисты дали ему имя *littera epistolaris*, палеографы XVII в. – *scriptura diplomatica*, немецкие современные палеографы – *diplomatiscbe Schrift*. Насколько глубоко проходило в жизненной практике различие между мастерством книжного и искусством эпистолярного письма, видно из того, что как в греческом, так и в латинском мире очень определенно различались специалисты того и другого умения. Канцелярским писцам – *ταχυγράφοι*, *notarii*, *tabelliones* – противопоставлялись книжные: *βιβλιογράφοι*, *καλλιγράφοι* – в греческой античности, и *scriptores*, *antiquarii*, *librarii* – в латинской"⁴². Такое разделение компетенций книжных и канцелярских писцов было характерно и для южнославянских государств культурного круга *Slavia Orthodoxa*. В средневековой письменности Сербии и Боснии противопоставление книжного и актового письма (сложившееся здесь, видимо, по образцу соседней Далмации) отчетливо прослеживается с начала XIII в.⁴³.

Ничего похожего мы не находим на Руси, где до XV в. отсутствует специальное актовое письмо и почерки деловых и дипломатических документов ничем принципиально не отличаются от почерков церковных книг. Именно в этом отношении пример Тимофея пономаря, одним и тем же почерком пишущего текст Апокалипсиса и новгородско-княжеские dokonчания,

крайне показателен⁴⁴. Замечательно, однако, что такое единство книжного и делового письма существует на фоне ярко выраженной оппозиции книжного и делового языка, столь же наглядно иллюстрируемой рукописями Тимофея: церковнославянскому языку написанных им книжных кодексов соответствует в грамотах "стандартный древнерусский" в его новгородской модификации⁴⁵. Эта ситуация противопоставления книжного и делового языка, пользующихся единым письмом, полностью противоположна той, которая характерна для латинского средневековья, когда противопоставленные внешними формами письма книжная и административная сферы пользуются общим письменным языком.

Демонстрируемое примером Тимофея пономаря соотношение традиций книжной и деловой письменности на Руси позволяет лучше понять и фигуру древнерусского летописца, одинаково хорошо ориентирующегося в церковной книжности и актовом материале. Чрезвычайно характерна в этом отношении структура повествования Новгородской летописи за 60-е гг. XIII в., в котором библейские реминисценции и цитаты органически вплетаются в авторский текст наряду с фрагментами явно актового происхождения. Столь свободное объединение генетически разнородных компонентов естественно под пером автора, сочетающего в себе книжника-начетчика и писца-канцеляриста, каким и был Тимофей пономарь. Роль летописца закономерно возникает на пересечении двух других его функций. основополагающий для летописного жанра синтез традиций книжной и деловой письменности оказывается возможен вследствие равной причастности обеим традициям самого летописца. Переводя это наблюдение в более общий план, допустимо предположить, что и летописание в целом, являющееся, как известно, чисто русским вкладом в жанровую систему средневековых славянских литератур, генетически обусловлено своеобразием древнерусской письменной традиции, не знавшей оппозиции книжного и канцелярского письма и, соответственно, строгой специализации писцов в области только книгописания или только актового делопроизводства⁴⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Летописец новгородский, начинающийся от 6525 (1017) году и кончающийся 6860 (1352) годом. М., 1781, с. 4.

2. История российская от древнейших времен. Сочинена князь Михайлом Щербатовым. Спб. 1770, т. I, с. 10-11.

3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950, с. 70.

4. Софийский временник, или Русская летопись с 862 г. по 1534 г. Издал П. Строев. Ч. I. М., 1820, с. 8.

5. Снегирев И. Новгородский древний Пролог. — "Русский исторический сборник", т. III, кн. 3. М., 1839, с. 296.
6. Вздорнов Г. И. Лобковский Пролог и другие памятники письменности и живописи Великого Новгорода. — В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972, с. 260—265.
7. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, с. 39.
8. Прозоровский Д. И. Кто был первым писателем первой Новгородской летописи? — ЖМНП, ч. 75, Спб., 1852, отд. 2, с. 23.
9. Там же, с. 27.
10. Вздорнов Г. И. Лобковский Пролог..., с. 264.
11. Там же, с. 260.
12. Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 1907, с. 47, 56 и др.
13. Подвигина Н. Л. К вопросу о месте составления Синодального списка Новгородской первой летописи. — "Вестник Московского университета", сер. IX. История, 1966, № 1, с. 74—75.
14. Вздорнов Г. И. Лобковский Пролог..., с. 265—269.
15. Погодин М. П. Новгородские летописи. — Изв. по ОРЯС, 1857, т. VI, вып. 3, с. 228.
16. Тихомиров И. А. Несколько заметок о новгородских летописях. — ЖМНП, 1892, сентябрь, с. 145—147.
17. Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.-Л., 1938, с. 128—132.
18. Срезневский И. И. Славяно-русская палеография XI—XIV вв. Спб., 1885, с. 191; Лавровский П. А. О языке северных русских летописей. Спб. 1852, с. 154—155; Погодин М. П. Новгородские летописи, с. 232; Сенигов И. П. О древнейшем летописном своде Великого Новгорода. Спб., 1886, с. 98; Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. Спб., 1908, с. 186.
19. Тихомиров И. А. О Тимофее пономаре, упоминаемом в Синодальном списке первой Новгородской летописи. — ЖМНП, 1887, март, с. 28—37; Троцкий И. М. Опыт анализа первой Новгородской летописи. — Изв. АН СССР. Сер. VII, Отделение общественных наук. Л., 1933, № 5, с. 361. Оба автора видели в Тимофее-летописце книжника, связанного с Юрьевым монастырем, в котором, по их мнению, был сделан целый ряд записей, вошедших в НЛЛ.
20. Ляпунов Б. М. Исследование о языке Синодального списка I Новгородской летописи. Спб., 1900, с. 16, 30.
21. Вздорнов Г. И. Лобковский Пролог..., с. 265.
22. Прозоровский Д. И. Кто был первым писателем..., с. 18.
23. Клосс Б. М., Лурье Я. С. Русские летописи XI—XV вв. — В кн.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2, с. 80—81.
24. Не являясь границей двух почерков, резкое изменение характера письма на л. 62 представляется вместе с тем не совсем случайным. В статье 1201 г. А. А. Шахматовым были отмечены два известия, уже сообщенные под 1199 г. — о избрании архиепископом Митрофана и строительстве крепости в Старой Русе (Шахматов А. А. Обзорение..., с. 130). Эти дублировки позволяют предполагать между 1199. и 1201 г. границу, разделяющую участки текста, принадлежащие перу разных летописцев (не писцов!). Дойдя до этой границы в своем оригинале, писец Синодального списка мог обозначить начало следующей статьи ("Ловоть взяша Литва и до Налюца...") и сделать перерыв в работе, вернувшись к ней через какое-то время, чем, вероятно, и объясняется изменение характера почерка.

25. Полное собрание русских летописей. Т. III, Спб., 1841, с. 5. Заметим, что об уровне палеографической квалификации издателя красноречиво свидетельствует характеристика, данная "первому" почерку: "почти тот же, что в Реймском Евангелии, кроме однакожь юсов и фигуры букв Ы и ~~Ѡ~~". Неуместность этого сопоставления была отмечена еще М. П. Погодиным (Новгородские летописи, с. 209), не усомнившись, однако в самом разграничении двух почерков.

26. Соболевский А. И. Рец. на изд.: Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку / Под ред. П. И. Савваитова. Спб., 1888. — "Русский филологический вестник", 1889, т. XXI, № 1, с. 123.

27. Единственным исключением является, кажется, Описание пергаменных рукописей ГИМ, отмечающее наличие в рукописи лишь двух основных частей XIII и XIV вв. (М. В. Шепкина, Т. Н. Протасьева, Л. М. Костюхина, В. С. Гольщенко. Описание пергаменных рукописей Государственного исторического музея, ч. I. Рукописи русские. — В кн.: АЕ за 1964 год. М., 1965, с. 163). Несмотря на это в последнем по времени описании Синодального списка в нем в части XIII в. по-прежнему выделяются два почерка (Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984, с. 261, № 270).

28. Существенно при этом, что решающие изменения в орфографии списка, связанные с утратой редуцированных, вовсе не совпадают со "сменой почерка", но приходятся на 10-е гг. XIII в.

29. Сводный каталог..., с. 177, № 162.

30. Существенно различаются начерки букв "Ж", "З", "М", "Ч", "Ш", форма титла. Кроме того в дополнительном почерке в отличие от основного имеется "О очное", не ставятся точки над гласными, "О" на конце строки иногда выносятся над строкой.

31. Сводный каталог..., с. 177 (№ 162) и 241 (№ 223).

32. Перетц В. Н. Древнейший список славянского толкового апокалипсиса. — Slavia, Praha, 1924, гоф. II, р. 641—644; Тихомиров М. Н. и Шепкина М. В. Два памятника новгородской письменности. М., 1952 ("Труды Государственного исторического музея. Памятники культуры", вып. XIII), с. 7—8.

33. Алексеев А. А. и Лихачева О. П. К текстологической истории древнеславянского Апокалипсиса. В кн.: Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги. 1985. Л., 1987, с. 8—22; Фет Е. А. О Софийском прологе кон. XII — нач. XIII в. — В кн.: Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977, с. 86—91.

34. Фет Е. А. О Софийском прологе кон. XII — нач. XIII в., с. 91.

35. Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991, с. 142—150, № 67, 68, 70.

36. Вздорнов Г. И. Лобковский Пролог..., с. 259.

37. Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. I, М.—Л., 1948, с. 258.

38. Там же, с. 261—262; Янин В. Л. Новгородские акты XII—XIV вв., с. 145. О черновом характере грамоты свидетельствует и наличие в ней двух вставок, сделанных в основной текст другим почерком, что впервые было отмечено А. А. Шахматовым (Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV вв. Спб., 1886, с. 240) и объяснено Л. В. Черепниным как проявление редакторской работы над текстом договора.

39. Различия в статусе трех грамот проявляются и на лингвистическом уровне. Характерна, в частности, замена древнерусского роз- в слове роздавати (№ 1) на церковнославянское раз- (№ 2, 3).

40. См., например, описание конфликта с Ярославом Ярославичем в 1268 г., с

которым, по мнению В. Л. Янина, и связано появление грамоты № 3: "Князь же хотѣ из города ѡхати. Новгородци же кланяхуся ему: "княже тѣмъ гнѣва отдаи, а от нас не ѡзди"; еще бо не добрѣ ся умирили с Нѣмци. Князь же того не послуша и побѣха проче. И послаша владыку с вятшими мужи с молбою, и въспяташа и с Броньници" (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, с. 88).

41. Вздорнов Г. И. Лобковский Пролог..., с. 262.

42. Добиаш-Рождественская О. А. История письма в средние века. Руководство к изучению латинской палеографии. Пб., 1923, с. 47.

43. Ћорѣић П. Историја српске ћирилице. Палеографско-филолошки прилози. Београд, 1971, с. 82—84, 88—98.

44. Известны и другие примеры, когда почерки грамот находят себе весьма близкие соответствия в книжной письменности. Один из них, причем хронологически и территориально очень близкий нашему, указан Л. Цернич, отметившей значительное сходство письма первого писца Иловичской Кормчей с почерком Духовной Климента (около 1255—1257, по датировке В. Л. Янина, Новгородские акты XII—XV вв., с. 211) (Л. Цернич. Нека запажања о писарима Иловичке Крмчије. — В кн.: Археографски прилози. 3. Београд, 1981, с. 49—51).

45. Об этой языковой форме и ее отношении к древненовгородскому диалекту см.: Зализняк А. А. О языковой ситуации в древнем Новгороде. — Russian Linguistics. 1987. Vol II, № 2/3.

46. Автор выражает искреннюю признательность О. А. Князевской и А. А. Турилу, взявшим на себя труд проверить его палеографические наблюдения и принявшим живое участие в обсуждении положений настоящей работы.